

Глобализация и капитализм

Владимир Якунин

Источник: [альманах «Развитие и экономика», № 13, июль 2015](#), стр. 6

Владимир Иванович Якунин – президент ОАО «Российские железные дороги», президент Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций», председатель попечительского совета Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного и Центра национальной славы

Две сущности глобализации

Сначала вспомним обыденный смысл слова «глобализация». Оно произошло от латинского слова *globus* (шар, Земной шар). Глобализация – процесс, идущий с ранних стадий развития цивилизаций. Обмен продуктами культуры (навыками и техническими средствами, растениями и животными) создал человечество.

Считается, что первым ввел в литературу слово «глобализация» Карл Маркс. Исходя из универсализма Просвещения, Маркс развил утопию возникновения глобальной системы

капитализма под эгидой Запада, а затем, посредством пролетарской революции – тоже под эгидой Запада, – превращения человечества в единое глобальное гражданское общество без государства (коммунизм). Эта утопия не состоялась, русская революция пошла по пути строительства социализма в отдельно взятой стране, несмотря на оппозицию ортодоксальных марксистов.

Процесс глобализации как тип процесса, затрагивающего всё человечество и создающего единое коммуникационное пространство, зародился задолго до формирования современной цивилизации Запада. Не будет преувеличением утверждение о том, что первой в истории глобализационной волной явилась неолитическая революция. Возникнув однажды в некоем локальном этническом очаге, производящий тип хозяйствования (земледелие и скотоводство) с поразительной быстротой распространился по всему миру. По глобализационному типу осуществлялся также переход от каменного века к веку меди и железа.

Современные глобализационные волны определили планетарное распространение новых технологических укладов, новых образцов техники. Компьютер, Интернет, мобильный телефон – все эти недавние изобретения сегодня уже прочно вошли в жизнь человека в разных уголках планеты. Благодаря глобализации были установлены стандарты качества жизни (и не только материальные). На их основе выработаны нормы по защите человеческого достоинства. Человек, благодаря современным коммуникационным технологиям и современному транспорту, получил широкие возможности быть приобщенным к сокровищнице мировой культуры.

Чаще всего говорят о глобализации как новом типе мироустройства, который устраняет барьеры, мешающие движению потоков вещей, денег, идей и социальных форм. Она меняет образ жизни примерно трети человечества. Эта треть соединена Интернетом. Огромные суммы денег молниеносно перемещаются по миру, поддерживая производство, торговлю и потребление. Сотни миллионов молодых и одинаково образованных людей сидят у экранов и играют онлайн – это их страсть. Другие сотни миллионов живут с наушниками на голове, поглощены музыкой. Глобализация дала им наслаждения, почти сравнимые с наркотиками, но допустимые обществом. На Земле возникли виртуальные глобальные народы, созданные общими ценностями и благами, общими символами и грезами.

Этим нельзя пренебрегать. С этими «народами» можно объясниться только в диалоге, осторожно излагая опасения и устремления обеих сторон. Люди, чья жизнь научила подходить к реальности рационально, подумают о той цене, которую придется

платить за эту сладкую жизнь, – и найдут слова объяснить это друзьям.

В широкий обиход понятие глобализации, как считается, вошло с легкой руки Маргарет Тэтчер. Показательно, какой смысл вкладывала «железная леди» в этот термин. Уже уйдя из большой политики, она дала развернутое пояснение на этот счет. Тэтчер указывала, что она не согласна с теми, кто считает, что государству пришел конец. Институт государства, по ее мнению, должен быть сохранен, но в виде государства определенного типа, соотносящегося с западным представлением о демократии. Что же до мирового глобализационного устройства, то оно раскрывается следующими заявленными Тэтчер положениями: «На самом деле западная модель свободы реальна и универсальна, а ее вариации обусловлены лишь культурными и прочими особенностями. <...> Из этих размышлений вытекают определенные выводы, касающиеся международной политики. Только Америка имеет моральное право, а также материальную основу, позволяющие занимать место мирового лидера. Судьба Америки неразрывно связана с отстаиванием ценностей свободы в глобальном масштабе. Ближайшие союзники Америки, в особенности союзники из англоязычного мира, должны рассматривать миссию Америки как основу для выработки своей собственной миссии. <...> Нравится вам это или нет, но в холодной войне победу одержал Запад. И всё же главным победителем являются Соединенные Штаты. Только Америка имеет всё необходимое, чтобы возглавлять в соответствии со своим историческим и философским предназначением дело борьбы за свободу, и я это приветствую». Всё более чем определено: глобализация – это гегемония победивших в холодной войне Соединенных Штатов Америки.

Конечно, сама категория глобализации сравнительно недавнего происхождения. Но глобализационная практика имеет давнюю историю.

Издравле на почве различных цивилизационных общностей генерировались концепты создания мировой империи. Александр Македонский, Август, Чингисхан, Тамерлан – этот ряд можно продолжить. Мировая империя предполагала, во-первых, глобальное господство, во-вторых, глобальную десуверенизацию покоренных. Для того чтобы установить господство одного суверена, надо было десуверенизировать всех остальных.

Таким образом, в глобализационной практике издревле обнаруживалось две неоправданно отождествляемые составляющие. Первая составляющая – коммуникационная, связанная с научно-техническим прогрессом, объективно расширяющим скорость и пространство коммуникаций, преодолевающим замкнутость отдельных сообществ. Вторая составляющая глобализации – идеологический проект.

В чем же заключается сущность глобализации как идеологического проекта? Известный американский мыслитель Ноам Хомский дает следующее определение данного явления: «Глобализация – это результат действий влиятельных государств, особенно США, которые вбивают торговые и прочие соглашения в глотку народам мира, чтобы корпорациям и богачам было легче господствовать в экономике самых разных стран, не имея перед их населением никаких обязательств».

«Войной нового типа» назвал глобализацию известный российский мыслитель Александр Зиновьев. Субъектом этой войны, в понимании Зиновьева, выступает даже не Запад и не Америка, а некое наднациональное сверхсообщество. Именно оно разгромило в холодной войне СССР, а теперь подавляет оставшиеся в мире анклав национальнoй суверенности.

Мы для обозначения этого сверхсообщества используем понятия «новый политический класс», «мировой финансовый олигархат», «мировой бенефициариат».

Мировые империи прошлого строились, как правило, за счет военной силы. Но военная сила есть лишь средство. Наряду с ней могут быть использованы и другие средства. Но и войны как классический инструмент глобализации не исчезают.

Начиная с периода наполеоновских кампаний в результате каждой масштабной войны усиливались позиции мирового олигархата. При этом количество национальных государств, обладавших реальным суверенитетом, сокращалось. Заключаемый по итогам каждой из войн пакт о мире являлся пунктом временной остановки на пути к системе глобального доминирования.

Любому из таких пактов может быть предъявлено обвинение в несправедливости, в заложенных внутренних противоречиях. Но, как известно, худой мир лучше доброй ссоры.

Постановка акцента на противоречия и несправедливость означает практически ревизию системы, выстроенной на признании легитимности заключенного пакта. А если

пакт о мире нелегитимен, то это означает новую войну. То, как историческая ревизия итогов Первой мировой войны привела к новой мировой войне, хорошо известно. Сегодня предпринимаются попытки ревизии итогов Второй мировой войны, ялтинско-потсдамской системы. То, что это может привести к новой мировой войне, — очевидно. Актеры ревизии истории являются в этом смысле актерами развязывания новой войны.

Но здесь речь идет не вообще о глобальных процессах в человечестве, а об особой программе — попытке создания Нового мирового порядка. Она сопровождается мифологией, которая служит идеологическим прикрытием. Без всякого Нового мирового порядка люди умели очень быстро обмениваться своими достижениями.

Например, под давлением мировых СМИ многие привыкли считать глобализацию «объективным» процессом, на который невозможно влиять. Поразительна сила внушения. Речь ведь идет не о стихийном явлении, а о социальном процессе, который имеет своих идеологов, организаторов, сообщников.

Следует отметить, что Великая Отечественная война на время подорвала утопию мирового господства на основе национал-социализма — создания социализма в странах Запада с превращением «отсталых наций» во внешний пролетариат. Создание советского блока, достижение СССР военного паритета с Западом заморозили глобальные проекты мирового господства. Баланс сил стабилизировал мироустройство, которое сложилось после Второй мировой войны — хотя и в формате холодной войны.

Гласная разработка программы новой глобализации сдвинулась в академическую сферу (например, в рамках Римского клуба) и была завуалирована. Открыто эта программа была предъявлена в годы перестройки в СССР, а в 1992 году ее концепция была сформулирована в книгах.

В основу программы положена доктрина неолиберализма — фундаменталистского учения XX века, далеко отошедшего от идей классического либерализма. Это учение в принципе исключает понятия страны, территории и границ. Культуролог Леонид Ионин пишет: «Оно ориентируется на абстрактного человеческого индивидуума как носителя определенных прав и свобод; государство — продукт договора абстрактных индивидуумов, и его конкретное тело (территория) имеет случайный характер. Поэтому либеральная экспансия не имеет границ, ибо потенциал универсализации безграничен.

Логически она завершена, когда абстрагированию подверглось всё. Отсюда следует логическая связь либерально-демократической идеологии с доктриной глобализации».

Глобализация – часть волны постиндустриализма, вырастающей из кризиса индустриальной цивилизации. По каким структурам ударила эта волна? Какие новые риски таятся в ее глубинах? Эманации кризиса бывают опасны, как новые болезни, вызванные мутациями вирусов, против которых человек не имеет иммунитета.

Кризис индустриализма приобрел во второй половине XX века черты системного. Почти во всех терминах, обозначавших главную суть будущего общества, присутствовала приставка пост-. Мы говорим о себе и соседях: постсоветское пространство. Это – признак кризиса. Мы еще не знаем, что представляет собой наш общественный строй. А что за строй на Украине, в Молдавии, в Киргизии?

На Западе также свое общество называют постэкономическим, постмодернистским и даже постцивилизационным. И эта приставка пост- отдает чувством увядания. Ведь футурологи не смогли дать сколько-нибудь убедительной картины будущего.

За последние 20 лет глобализация оставила много следов своих копыт. Здесь мы лишь приведем краткий перечень тех воздействий на хозяйство, которые оказывает глобализация. Заметим, что человечество – сложная система с огромным разнообразием цивилизаций, культур, типов жизнеустройства, социальных и политических режимов. Хозяйство – это сгусток большей части человеческих отношений, срез всей системы национальной культуры.

Посмотрим, как глобализация изменила систему капитализма и ее ядро – частное предпринимательство, бизнес. Мы в России пытаемся строить капитализм, и это знание для нас актуально.

Когда мы для краткости используем условный термин «бизнес», мы имеем в виду тот контекст, который в каждой точке пространства и времени дополняет экономическую модель множеством самобытных смыслов. Здесь формационный подход недостаточен: даже хорошо изученная модель капитализма оказывается совсем разной в США, России или Таиланде. Более того, она оказывается разной в США 1930-х, 1980-х или сегодня.

Итак, рассмотрим теневые эффекты программы глобализации. Приведем главные выводы ведущих западных аналитиков.

Глобализация ведет к дезорганизации хозяйства, дезинтеграции общества и десоверенизации национальных государств

В 2002 году президент Международной социологической ассоциации Ален Турен таким образом сформулировал вызов, перед которым оказалось общество как основная форма человеческого общежития: «Мир становился всё более капиталистическим, всё большая часть населения втягивалась в рыночную экономику, где главная забота – отказ от любого регулирования или экономического, политического и социального контроля экономической деятельности. Это привело к дезинтеграции всех форм социальной организации, особенно в случае городов. Распространился индивидуализм. Дело идет к исчезновению социальных норм, заменой которых выступают экономические механизмы и стремление к прибыли».

Эти формулировки трагичны. Другие социологи и философы (Скотт Лэш и Джон Урри) вносят поправку: они считают, что глобализация принесла с собой «конец организованного капитализма». Они называют это состояние переходом от национально организованных обществ к «глобальной дезорганизации». Урри пишет (2003): «Глобализация видится как формирующаяся новая эпоха, как золотой век космополитической “безграничности”. Национальные государства и общества не в состоянии контролировать глобальные потоки информации».

У многих мыслителей, принадлежащих к совершенно различным сегментам общественной мысли, вызывает беспокойство прежде всего выхолащивание национальных традиций и национальных ценностей. Разрушение национальной самобытности приводит, в свою очередь, к девальвации национального государства, а то и к его десоверенизации.

Существует множество способов десоверенизации. Для «поражения» суверенитета теперь уже нет необходимости применять вооруженную силу.

«Хочешь легко победить страну – начни кормить ее своей пищей». Это слова русского царя Ивана IV Грозного. Уже в XVI веке существовало понимание того, что подчинение одних государств другими может осуществляться не только военными, но и экономическими методами.

Возможно ли сочетание глобализации с сохранением суверенности национальных государств? Глобализация как коммуникативный обмен не противоречит государственному суверенитету. Каждое национальное сообщество дает миру в рамках этой модели свой уникальный продукт, отражающий ее самобытность, культурное лицо. Но для глобализации как реализуемого идеологического проекта национально-государственный суверенитет есть препятствие, пережиток доглобализационной эпохи.

Английский социолог Зигмунт Бауман так поясняет явление утраты территории национальным государством: «Властители приобретают подлинную экстерриториальность, даже если физически остаются на месте. Их власть полностью и окончательно становится “не от мира сего” – не принадлежит к физическому миру, где они строят свои тщательно охраняемые дома и офисы, которые сами по себе экстерриториальны».

Эта «глобальная дезорганизация» и «отступление» национального государства – продукты глубокого кризиса.

Предложение Римского клуба превратить человечество в «глобальную систему, управляемую благотворительной диктатурой технократической элиты», – утопия, которая будет стоить огромных жертв. Устроить «глобальный человек», как назвал это философ Александр Зиновьев, невозможно, сложные системы существуют, пока обладают достаточным разнообразием.

Хочется добавить в связи с этим высказывание, приписываемое Николасу Рокфеллеру. Конечная цель финансовой олигархии была определена им как «чипизация

человечества». В приоритете – достижение полной и безоговорочной победы мира потребительства как унифицированного материала для моделирования будущего глобального гражданского общества. Во многом этот мир уже создан. В нем под лозунгом «Потребление – двигатель экономического развития» осуществляется глобальная манипуляция общественным сознанием, устраняются даже малейшие ростки духовности, исторических традиций, национальной культуры и самобытности, препятствующие глобализации финансовой меркантильности.

Объектом агрессивного консьюмеризма стали все категории граждан – от подростков до стариков. Это то, что один из основателей Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» Джагдиш Капур справедливо называл *armament protected consumerism*, то есть защищаемое вооруженной силой общество потребления. Можно говорить даже о появлении особого типа человека – «человек потребляющий».

Французский социолог Клод Леви-Стросс писал в «Структурной антропологии»: «Не может быть мировой цивилизации в том абсолютном смысле, который часто придается этому выражению, поскольку цивилизация предполагает сосуществование культур, которые обнаруживают огромное разнообразие; можно даже сказать, что цивилизация и заключается в этом сосуществовании. Мировая цивилизация не могла бы быть ничем иным, кроме как коалицией в мировом масштабе культур, каждая из которых сохраняла бы свою оригинальность. <...> Священная обязанность человечества – охранять себя от слепого партикуляризма, склонного приписывать статус человечества одной расе, культуре или обществу, и никогда не забывать, что никакая часть человечества не обладает формулами, приложимыми к целому, и что человечество, погруженное в единый образ жизни, немислимо».

Еще раз подчеркиваю, что фундаментальная угроза, исходящая от глобализации, – ослабление национального государства. Как сказал американский социолог Сэмюэль Хантингтон, мы «стали свидетелями постепенного отмирания твердого государства – “бильярдного шара”, – принятого за норму со времен Вестфальского мира». По его мнению, «возникает сложный разнообразный и многоуровневый международный порядок, который сильно напоминает средневековый». И это – не метафора. Боевики ИГИЛ вводят социальные и юридические нормы времен глубокого Средневековья. Масштаб гуманитарной катастрофы в провинциях Ливии и Ирака невозможно оценить. В руинах Сирия – оазис арабской культуры.

Но примеры отдельных стран не передают сути процесса. Вернуться из XXI века в «международный порядок, который сильно напоминает средневековый», – это

катастрофа для человечества в целом. Это значит – опять частные наемные армии, феодальные войны и крестовые походы, только уже с ядерным оружием. Подобные катастрофы наносят такой удар по культуре, что в системах жизнеустройства возникают «странные аттракторы» – изуверские установки и мировоззренческие системы, о которых еще недавно никто не мог и помыслить.

Подорванное государство перестает выполнять функцию защиты ресурсов нации, а осуществляет их контрабанду через разорванные границы. Коррупцированные политики и чиновники создают всемирную «серую зону» – преступный интернационал, где и принимаются решения по выгрызанию пространства национальной жизни.

Этот конфликт интересов рано или поздно должен стать в повестку дня диалога цивилизаций – поверх идеологии и политики. На нынешнем распутье это вопрос экзистенциальный.

Право существует лишь на территории государства – территории, закрытой границами. Здесь рынок можно обуздать. Но глобализация «отвязала» рынок от права национального государства, возник «рынок без границ». Он теперь не ограничен ни государством, ни национальной культурой. В этих условиях теряют силу все институты – а значит, исчезает и правовое пространство. Нации превращаются в население, гражданственность разъедается аномией.

На этом фоне уже не видна «тихая война». Подрыв национальных государств и систем права привел к тому, что финансовые спекулянты могут безнаказанно разорять целые континенты и вывозить из разоренных стран сотни миллиардов долларов, обесценивать труд миллионов людей. Коррупция, созданная глобализацией, имеет транснациональный характер, а локально она охватывает весь государственный организм и превращает его в средство разрушения, как переродившиеся в раковую опухоль клетки организма. Так, помимо явной, складывается параллельная теневая цивилизация.

Возник особый тип финансовых войн – организованные атаки на национальные валюты. Но главным новшеством стали системные операции против национальных экономик, в которых с помощью финансовых махинаций доводят страну до кризиса, обесценивают ее предприятия, а затем скупают их по дешевке.

Государство сокращает свои контрольные функции – и возникают уклады почти рабского типа, а новые богатеи вливаются в глобальную элиту. В мире возникают зоны, где проживают «общности, которые нет смысла эксплуатировать». Эти люди исключаются из «внешнего пролетариата» метрополии и возвращаются к натуральному хозяйству. Но этому населению не оставят его лесов, степей и недр. Глобализация – это посткапиталистический этап, капитал отказывается эксплуатировать большую часть населения Земли. А значит, исчезают и рынки.

В первые два десятилетия средний класс Запада аплодировал глобализации – она позволила вывезти трудоемкие и грязные производства в страны «развивающихся рынков». Западные левые наконец-то осознали, что всё население Запада в целом, включая рабочих, является эксплуататором и получает большие доходы от труда рабочего класса периферии (потому-то компартии практически исчезли).

Сначала корпорации США стали переводить свои сборочные цеха в специальную зону на севере Мексики. Там возникли особые заводы, которым платили не деньгами, а бартером, частью готовой продукции. В 2000 году в Мексике насчитывалось уже около 2 тысяч сборочных заводов, на которых трудились 1,34 миллиона рабочих. Зарплата на этих заводах была в 11 раз меньше, чем в таких же цехах в США. Эта система расширялась, начался вывоз промышленных предприятий разных отраслей и из Европы – в основном в Азию. И настал момент, когда масса работников, включая и средний класс, оказалась «общностью, которую нет смысла эксплуатировать». Предприятия «уехали» искать более выгодные места – глобализация!

Это привело население слабых стран Запада в шок – социальное государство рухнуло, государственный долг огромен, давать субсидии безработным не из чего. Об этом неминуемом результате предупреждали, но никому не хотелось верить. Произошла деиндустриализация – как в 1990-е годы в России.

Теперь там лелеют новую утопию – вернуть рабочие места из Азии в страны Запада.

Это пообещал премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон в Давосе: «Это свежий драйвер роста. Великобритания должна стать страной возвращения экономики». Излагал он эту доктрину антиглобализма невнятно: «Мы говорим о рабочих местах для инженеров, менеджеров, адвокатов. Потому что защита собственности, свобода слова и верховенство закона – это основа стабильности экономики и успехов в бизнесе. <...> Этот тренд затрагивает все отрасли экономики. Рабочие места возвращаются из Китая в английский Лидс, а из Индии в Уэльс. <...> Кроме того, мы вкладываем миллиарды в инфраструктуру, в том числе в дорожное строительство».

Можно сказать, что правящая верхушка США допустила большую ошибку, положив в основание доктрины глобализации мессианскую убежденность, что ее назначил Господь управлять миром. Как только исчез СССР, который периодически приводил ее в чувство, этот «гегемон» в мировой политике наломал столько дров, что по сути массы людей воспринимают США как государство-изгой. Да, в 1990-е годы мир был напуган их иррациональными действиями, но сейчас повсюду в мире началось осторожное сопротивление. В общем, человечество не желает отдавать на заклятие глобализации свои национальные государства. Это суровые механизмы, но без них в нынешнем мире народам просто не выжить.

Вот признание *The Washington Post*: «Когда Россия запретила импорт сельскохозяйственной продукции из США, Евросоюза, Канады, Австралии и Японии, глобализация внезапно начала распадаться на части гораздо быстрее, чем кто-либо ожидал. <...> Сегодня стало не только возможно отвергнуть мантру глобализации об игре, в которой нет проигравших, во имя иных ценностей и иного рода политики. Это происходит прямо сейчас. И если такое может произойти в России, то и другие страны от этого тоже не застрахованы».

Точнее, именно санкции США против России поставили крест на глобализации – ведь ее терпели, хоть и с трудом, как программу соединения стран, а не дискриминации то одной, то другой страны.

Глобализация – программа безжалостная, она неминуемо порождает войны

Вспомним первую хорошо описанную волну глобализации, порожденную быстрым развитием мореплавания, экспедициями и Великими географическими открытиями, которые совершил нарождающийся капитализм. Эта глобализация вызвала практически непрерывную мировую колониальную войну в течение четырех веков. В этой войне были

уничтожены целые народы и цивилизации, переселены и обращены в рабство миллионы людей.

Потом как ответ на большей части Земли произошли национально-освободительные войны, в которых смерть тоже скосила большой урожай. Да и Первая мировая война была продуктом этой первой волны глобализации Нового времени, она вызрела в лоне империализма. Перед той войной прямо говорили, что назревающая война – результат глобализации.

Уже накануне краха СССР в западной литературе, помимо апологетики предполагаемого Нового мирового порядка, стали появляться предупреждения. Что выделялось в процессах, которые тогда нарастали на глазах? В 1990 году влиятельный деятель мировой политики, советник президента Франции Франсуа Миттерана и президент Европейского банка реконструкции и развития Жак Аттали написал книгу «На пороге нового тысячелетия». В ней он дал такой прогноз: «В грядущем Новом мировом порядке будут побежденные и победители. Число побежденных, конечно, превысит число победителей. Они будут стремиться получить шанс на достойную жизнь, но им, скорее всего, такого шанса не предоставят. Они окажутся в загоне, будут задыхаться от отравленной атмосферы, а на них никто не станет обращать внимания из-за простого безразличия. Все ужасы XX столетия поблекнут по сравнению с такой картиной».

В 2006 году он утверждал, что если «триумфальный марш денег» продолжится до его логического конца, то рынок приведет к гиперимперии. Она будет глобальной, создающей огромные состояния и ужасающую нищету. Она «погрузит человечество в пучину регрессивного варварства и опустошительных битв при помощи оружия, которое сегодня немыслимо. <...> Противостоят друг другу будут государства, религиозные группировки, террористические организации и бандиты-одиночки. Это может привести к уничтожению человечества».

Глобализация неизбежно ведет к возникновению нового типа войны – не мировой, а всемирной «молекулярной», которую будут вести выброшенные из общества люди против остатков государства. Это мы уже наблюдаем и в Африке, и в Азии, да и в Европе. А организованная в арабских странах мятеж-война – вообще огромное предприятие. Куда будут двинуты кочевые контингенты наемников-«мятежников»?

Вот недавний пессимистический вывод французского журнала *Atlantico*: «После окончания холодной войны многие аналитики утверждали, что порожденная глобализацией экономическая взаимозависимость позволит не допустить возникновения войн. Однако <...> скорее складывается впечатление, что глобализация с ее экономической взаимозависимостью сегодня наоборот становится синонимом напряженности».

Признаки гибридной глобальной войны уже видны. Вот пресса пишет о «весенней кампании на нефтяном фронте глобальной финансово-экономической войны». В феврале в США состоялась конференция «Рынок нефти в 2015 году». В главном докладе сказано, что падение цен на нефть в 2014 году происходило при равновесии спроса и предложения. Содокладчик отметил, что цена на нефть будет во многом определяться ситуацией на рынке «бумажной нефти», то есть действиями спекулянтов, а также политических и финансово-экономических государственных и надгосударственных структур. Факт, что цены на нефть стали элементом глобальной финансовой войны, признан американским истеблишментом.

А нам говорят, что глобализация – механизм взаимовыгодного сотрудничества.

Но такие миссии – относительно мягкий элемент гибридной войны. Важные функции в ней выполняют разного рода «черные интернационалы» и контингенты боевиков с неопределенными идеологиями. Во многих точках мира они подрывают структуры национальных государств, участвуя в организованных гибридных войнах – чаще всего с этническим или религиозным прикрытием, которое обычно служит только маской. Иногда поддержка, оказываемая им со стороны, глобальной теневой элитой, столь велика, что внутри государств образуются преступные анклав, приобретающие признаки государственности. Речь идет о криминализации целых регионов и о возникновении «серых зон», из которых уходит государство.

Нашим либералам надо, наконец, признать, что капитализм не выживет без государства и права.

Глобализация породила «новых кочевников»

Следует отметить, что понятие капитализма сегодня уже не отражает сложившуюся реальность. Нужен новый категориальный язык для описания современной системы мироустройства. Эта новая система могла бы быть условно определена как

посткапитализм. Если в основе экономики классического капитализма лежат конкуренция и свободный рынок (так называемый манчестерский капитализм), то новая модель характеризуется глобальной управляемостью. Социальная система классического капитализма описывалась Карлом Марксом как антагонизм двух классов – буржуазии и пролетариата. Новая социальная модель выстраивается как пирамида глобальной корпоратократии. Финансовая система капитализма рассматривалась через формулу деньги–товар–деньги . Современные финансовые схемы глобальной эмиссии выстраиваются иначе – деньги–деньги –деньги . Политически капитализм соотносился, говоря в категориях Маркса, с буржуазной демократией. Новая политическая модель ничего общего с демократией – в классическом ее понимании как народовластия – не имеет. Сам институт государства оказался фактически приватизирован новым политическим классом глобального олигархата. Произошла и аксиологическая инверсия. Классический капитализм связывался с духом буржуазного предпринимательства, культом денег, превратившихся в самоценность. Аксиология посткапитализма – это аксиология потребления, гедонизма. Произошел распад права, на котором держался капитализм, утрачены качественные различия в происхождении денег. Они опять «не пахнут» – исчезли различия между легальной и преступной экономикой.

Разрушение биполярной модели мирового развития привело к мутации всей правовой и политической базы международных отношений. Вроде бы, ушли основополагающие антагонистические противоречия двух мировых систем – капиталистической и социалистической. Более того, распалась сама политическая система, выстроенная вокруг СССР, а политические наследники СССР отказались от этой идеологии и объявили себя частью западной системы во главе с США. Был провозглашен конец холодной войны, а Фрэнсис Фукуяма даже возвестил о «конце истории». Но, как мы наблюдаем сегодня, мир не оказался ни более справедливым, ни более безопасным. Локальные конфликты стали более ожесточенными и кровопролитными.

Глобализация – это всемирное перераспределение богатства и в пространстве, и в социальной структуре. Ограбление периферии идет путем затягивания в долговую ловушку, затем приватизации и скупки национальных ресурсов, включая природные. МВФ, ставший важным инструментом глобализации, навязывал податливым странам внешний долг как, по выражению одного эксперта, «ящик дарового виски алкоголику». Когда удавка затянута, займы прекращаются и у должников начинают выворачивать карманы. По данным ООН, залп кредитов начала 80-х годов позволил МВФ выгрести из бедных стран в 1985–1990 годах вдвое больше денег, чем было дано в долг.

Глобальная финансовая система – это инструмент глобальной финансовой олигархии по ограблению развивающихся стран и созданию системы с глобальным доминированием США.

Примером может послужить то, как Федеральная резервная система США и Центробанк Таиланда вызвали экономический коллапс Таиланда. В период с 1990 по 1997 год банк этой страны создал для тайландских компаний структуру, стимулирующую их к заимствованиям в иностранной валюте за рубежом. Такие заимствования достигли значительных размеров. В то же время банк осуществлял монетарную политику, которая привела к краху тайландской валюты в 1997 году, в результате которого обанкротились многие тайландские компании, произошли резкий рост безработицы и крупный экономический кризис.

Следовательно, корпоративные заимствования в иностранной валюте создают настолько большие риски, что такие заимствования делать не рекомендуется. Международные банкиры и иностранные центральные банки обычно призывают компании и страны (особенно при наличии значительных национальных активов – таких, как сырье и материалы) к привлечению значительных иностранных заимствований. Подобные заимствования можно использовать как рычаг для значительного экономического давления и извлечения прибыли.

Бестселлером стала «Исповедь экономического убийцы» Джона Перкинса (2004). В продолжении своей «исповеди» (2007) он пишет, как был «организован» внешний долг Индонезии, и завершает этот эпизод так: «Эти цифры свидетельствовали о том, что мы загнали Индонезию в такую долговую яму, из которой она не сможет вылезти самостоятельно, если, конечно, не будет во всем потакать желаниям наших корпораций. Что и говорить, мы, экономические убийцы, в данном случае сработали на совесть».

Обслуживание долга и краткосрочные долги Индонезии составляли 300 процентов ВВП. Это привело к тому, что в 2002 году 52 процента населения жило менее чем на два доллара в день. А в США сейчас внешний долг 17 триллионов долларов, у ЕС 18 триллионов – и ничего!

В связи с этим также следует обратить внимание на факт зависимости центральных

банков стран от Федеральной резервной системы. Цепочка зависимости выглядит технологически следующим образом. Национальные экономики нуждаются в деньгах. Но деньги эмитирует не государство, а центробанк. Центральные банки в подавляющем большинстве современных стран – это не государственные институты, а частные, независимые от государства учреждения. Но эти учреждения зависимы от ФРС, которая, в свою очередь, независима от правительства Соединенных Штатов. Стоит только перекрыть канал Федеральная резервная система – центробанк – национальная экономика, и страна, столкнувшись с финансовым дефицитом, оказывается в состоянии коллапса. Поэтому вопрос о статусе ЦБ оказывается ключевым для проблемы национального суверенитета. Это хорошо понимают во многих странах мира, но реально ничего не могут поделать с создавшимся положением.

Глобализация резко облегчила теневому и криминальному бизнесу задачу уклонения от налогов и отмывания «грязных денег». Так, в Италии за 2002–2012 годы в ходе аудита банковских счетов было выявлено свыше 1 триллиона долларов подозрительных вкладов. В Швейцарии при государственном аудите банков было обнаружено около полутора тысяч подозрительных финансовых сделок общим объемом в 3,3 триллиона долларов.

Спекулятивный капитал в его нынешней форме легко идет на союз с преступным миром. Этот союз соединил две мощные финансовые и организационные структуры – легальную и теневую, – придав им новые возможности для свободы маневра.

Надо вспомнить и «кочевников поневоле» – массовые передвижения трудовых мигрантов из бедных или терпящих бедствие стран. Глобальная экономика гонит людей в богатые страны в поисках заработка. Они оказываются дискриминируемыми по национальному или религиозному признаку или просто по статусу мигранта.

Мигранты в инонациональном окружении по большей части живут в состоянии перманентного стресса. Миграция разрушает родственные, семейные связи. Живя в состоянии неопределенности, не имея возможности взять на себя долгосрочные обязательства, молодые мигранты не решаются создавать семьи.

Вырванные из своей этнической культуры, из привычных социальных сетей и семей эти «кочевники» образуют в принимающей стране особые общности, часто полиэтнические, нередко с обостренным самосознанием (гиперэтничностью). Это создает и латентные, и

открытые конфликты, что углубляет раскол общества.

Более того, и для большей части местной молодежи проблема формирования семьи в условиях глобализации становится похожей на ту, с которой сталкиваются мигранты, – возникает «синдром кочевника». Немецкие социологи семьи этим объясняют небывалое увеличение возраста вступления в брак и уменьшение числа детей в семьях. И в среднем классе богатых стран возникла неуверенность в надежности своего статуса в условиях глобализации.

В докладе Римскому клубу «Первая глобальная революция» будущее в среднесрочной перспективе (к середине XXI века) видится так: «Способны ли мы представить мир будущего, в котором кучка богатых наций, имеющая новейшее вооружение, защищается от огромного количества голодных, необразованных, не имеющих работы и очень злых людей, живущих во всех остальных странах? Такой сценарий, вытекающий из современных тенденций развития, не предвещает ничего хорошего. <...> Совсем нетрудно представить себе бесчисленное количество голодных и отчаявшихся иммигрантов, высаживающихся из лодок на северном побережье Средиземного моря. <...> Приток мигрантов может вызвать резкое усиление “оборонительного” расизма в странах въезда и способствовать установлению в них на волне популизма диктаторских режимов».

Глобализация – крайне кризисогенная система

Те кризисы, которые возникают как цепной процесс по всему миру, принципиально отличаются от кризисов капиталистической экономики Модерна. Они вырастают из хаоса или неопределенности финансовых потоков в необычных масштабах и с необычной динамикой.

На глобализацию возлагали слишком большие надежды, однако они оказались тщетными – она так и не стала инструментом для разрешения экономических кризисов. Напротив, именно глобализация, которая разрушила структуру мирового хозяйства, которая выстраивалась как система национальных государств с определенным международным правом и приемлемой прозрачностью финансовых каналов, стала порождать кризисы нового типа. Мировой кризис 2008 года вызвал жесткое неприятие глобализации и свободного рынка.

Жак Аттали реконструирует процесс вызревания кризиса 2008 года и особо отмечает

роль в нем идеологии глобализации: «В стране, где на протяжении двух веков было возможно абсолютно всё, опьянение властью слов и игнорирование суровой действительности превратилось в идеологию. <...> Протестантская Америка, которая делала первые шаги вместе с кальвинизмом, ставя во главу угла бережливость и труд, теперь культивирует мысль о том, что Бог ее выбрал и гарантирует победу именно ей. <...> 4 марта 2008 года на Уолл-стрит инвестиционный банк *Bear Stearns* оказался на грани банкротства, потеряв 13 400 миллиардов долларов от сделок на деривативах (13,4 триллиона долларов – больше ВВП страны!). <...> Сейчас мы имеем дело со сложной системой, своего рода “големом”, не имеющим цели и способным одновременно служить человечеству и всё разрушать на своем пути. Ибо ему неведомы этические нормы и чувства».

Когда в банке на Уолл-стрит обнаруживается недостача триллионов долларов, происходит крах множества средних и малых банков во многих странах – переплетение и скорость финансовых потоков делают невозможным контроль в режиме реального времени. А крах средних и малых банков – разорение местного бизнеса.

Исполнительный директор Европейского совета по международным отношениям Марк Леонард сказал: «Взаимозависимость, которая ранее считалась экономическим благом, теперь стала угрозой». И добавил: «Никто не готов терять преимущества глобальной экономики, но все крупные державы задумываются о том, как защитить себя от ее рисков военным или иным путем. После 25 лет пребывания во всё более тесной связи друг с другом, похоже, мир намеревается заново разделить себя».

Философы и политики пре-дупреждают, что природа явлений, возникших в ходе глобализации, имеет неопределенный характер. Это значит, что кризис становится перманентным. Сложность глобальной финансовой системы вышла за рамки рационального контроля. Это – крайне опасная, эсхатологическая ситуация. В 30-е годы XX века подобный «реактор», вышедший из-под контроля, стоил Европе мировой войны.

Да, многие говорят, что сама структура глобализации нуждается в глубоком преобразовании. По словам Аттали, оно требует немедленной реализации – «пока кризис не углубился настолько, что никто не сможет доверять рынку, а демократия будет не в силах справиться с “големом”, которого сама и создала. Тогда личная свобода, на которой базируются и рынок, и демократия, станет виновным номер один».

Какая безответственность – создавать такие глобальные риски!

Каковы пути выхода из кризиса распада глобализации? Колесо истории нельзя повернуть вспять. Как любое сложное явление глобализация многоаспектна. Она принесла с собой много бед, но вместе с ними – новые возможности коммуникации людей, новые технологии в самые дальние уголки мира. Можно ли ограничить глобализацию, сохранив то позитивное, что она сделала?

Для этого требуется интеллектуальное и духовное усилие всех локальных цивилизаций и культур – общее дело человечества. Кризис капитализма и присущего ему индустриализма оказался фундаментальным. Остановить его маховик трудно, всем надо подняться на новый уровень знания и нравственности. Требуется поистине вселенский диалог.

Первым шагом могло бы быть изменение модели глобализации: отказ от утопии разрушения национальных государств, их объединение в большие интеграционные проекты посредством экономических и культурных связей. Это защитило бы мир от попыток установить господство одной подавляющей всё силы. Ведь кризис первой глобализации первой половины XX века разрешился именно так, установив равновесие сил двух проектов – западного и советского. Но сейчас потенциал разнообразия гораздо больше. Признаки этого очевидны. МЕРКОСУР и ЕврАзЭС – лишь первые ласточки будущего мира, состоящего из комплементарных множеств.